

Он до сих пор помнил, как в глубоком детстве, полный злости и затаенной обиды, сидел в саду, дожидаясь, когда мимо проедет машина с «той самой женщиной». Ему хотелось увидеть лицо, которое столько лет не давало покоя его отцу, и понять, что же в нем такого особенного. Он уже не помнил точных черт её лица, но тот миг, когда он впервые увидел её воочию, — её ошеломляющая, пугающая притягательность и вызванная этим чувством искаженная ненависть — навсегда врезались ему в память.

Красота, символизирующая зловещее влечение и предрекающая трагическую судьбу.

С этим ребенком, его номинальным младшим братом, всё было точно так же.

Вначале он не раз помышлял о том, чтобы покончить с этим слабым, беззащитным мальчишкой — в роскошном, но прогнившем поместье сделать это было проще простого. Но однажды глубокой ночью, когда он под прикрытием слуг пробрался в спальню Ноа, чтобы взглянуть на приёмного брата, он — уже выбирая, задушить его или пережать горло — внезапно ощутил исходящее от того едва уловимое сияние.

Словно тепло, струящееся по белому фарфору, оставляя мягкий, едва уловимый след.

Может, это был лишь блик от фонтана в саду или обманчивый отсвет холодного лунного света.

— Просто монстр, — твердил он себе.

Он решил собственноручно придушить маленького монстра. Его пальцы легли на тонкую детскую шею, но Ноа проснулся, начал вырываться, кричать, в потасовке загремели вещи. На шум сбежались дворецкий и слуги, следом поспешил отец, и на этом план убийства был окончен.

Ему тогда было одиннадцать, а Ноа — шесть.

С тех пор он ни разу, как сегодня, не мог подобраться к спящему Ноа так близко — тот просыпался от любого шороха. Казалось, то нелепое ночное покушение многолетней давности оставило глубокий след в подсознании мальчика: даже во сне он сохранял настороженность, чутко реагируя на малейшую угрозу.

Пальцы Ромюэля опустились вниз, едва коснувшись кончиков сомкнутых ресниц.

Ресницы у Ноа были густыми, словно вороньи крылья. У того, кто привык стрелять, кончики пальцев огрубели от мозолей, и, строго говоря, он не мог ощутить столь нежного прикосновения.

Но дыхание Ромюэля перехватило, и он медленно склонился ниже.

Между их лицами оставалось не больше двух дюймов, когда Сы Сяонань внезапно открыл глаза.

Ромюэль замер. Секунду они смотрели друг на друга, после чего он слегка улыбнулся и сел ровно:

— Ноа.

Действие анестетика еще не закончилось, взгляд Сы Сяонаня долго блуждал, прежде чем сфокусироваться на лице Ромюэля. В глубине его глаз постепенно проступила ясная,

неприкрытая настороженность:

— Ты... кто...

— Не помнишь, кто я? — Ромюэль изучал выражение его лица. — Хм, похоже, побочные эффекты оказались серьезными.

Сознание Сы Сяонаня оставалось затуманенным, жар всё еще не спал, и он тяжело дышал, чувствуя неприятную стесненность в груди.

— Глядя, как ты здесь лежишь, я вспомнил тот год, когда ты впервые попал на Секретную военную базу во Флориде... — Ромюэль, казалось, не заботился, понимает ли его собеседник, и с усмешкой продолжил:

— Я к тому моменту был на базе уже несколько лет. Однажды вечером, поддавшись импульсу, решил проверить общежитие и заглянул в твою комнату.

— Ты спал так безмятежно, даже слегка похрапывал. Но стоило мне подойти к кровати, как ты — даже не успел я толком встать — сразу проснулся, словно был готов к тому, что я проберусь внутрь и причиню тебе вред.

— ...Я не знаю... о чем ты говоришь... — с трудом выдавил Сы Сяонань пересохшими губами.

— Ничего страшного, — отозвался Ромюэль. — Столько лет прошло, просто хотел сказать: в ту ночь я не собирался тебя убивать.

Он усмехнулся, словно эта история его забавляла, но это выражение, призванное показать дружелюбие, на его вполне приятном лице вызвало у Сы Сяонаня лишь острое, колющее отвращение.

Он невольно подался вглубь кровати, и выпирающая косточка запястья больно ударилась о наручники.

Ромюэль не обратил внимания на этот жест.

Он взял со столика банку кленового сиропа, неспешно открутил крышку и под напряженным взглядом Сы Сяонаня зачерпнул полную ложку золотистой сладости:

— Знаешь, почему ты заболел?

— ...

— Потому что тебе не хватает сахара. Твоему модифицированному телу требуется много сахара, иначе ты начнешь быстро слабеть. Начнутся проблемы с сердцем, легкими и дыханием, а в худшем случае... ты можешь даже умереть.

— Неважно, прятался ты всё это время в одиночку или с кем-то еще, — Ромюэль насмешливо улыбнулся, — тот, кто был с тобой, явно не удосужился позаботиться о самых базовых вещах.

Сы Сяонань прохрипел:

— ...Они вернутся за мной.

Ромюэль рассмеялся так, будто услышал отличную шутку:

— О? Вернутся за тобой в центр города, кишачий миллионами Зомби?

Сы Сяонаня словно полоснули ножом, он замолчал.

Ромюэль отставил банку с сиропом. Правой рукой он уверенно держал ложку, источавшую сладкий аромат, а большим пальцем левой руки легонько погладил висок Сы Сяонаня:

— Ноа.

Сы Сяонань молчал.

— Поцелуй меня. Всего один раз. Как тогда, когда ты целовал того Спецназовца по фамилии Чжоу, — Ромюэль говорил вкрадчивым, почти нежным голосом. — И вся банка будет твоей. Идет?

В глазах Сы Сяонаня промелькнуло недоумение — казалось, он услышал нечто совершенно сбившее его с толку. Но в следующее мгновение он взглянул на Ромюэля, и в его взгляде отчетливо читалось отвращение. Он плотно сжал потрескавшиеся от жажды губы, резко отвернулся к стене и закрыл глаза.

С решительностью, не допускающей лишних слов.

Ромюэль, словно ожидавший подобной реакции, даже не разозлился — его улыбка лишь стала шире:

— Хорошо... очень хорошо.

Он небрежно выплеснул сироп из ложки, достал увесистый металлический кейс, открыл его и извлек прибор с проводами. Затем, не встречая сопротивления, начал обматывать красную и синюю жилы вокруг закованных в наручники запястий Сы Сяонаня.

Сы Сяонань словно почувствовал неладное: он внезапно открыл глаза и дернулся всем телом!

— Электрошокер!

В одно мгновение в памяти всплыли хаотичные картины прошлого: молодой блондин с голубыми глазами из лаборатории, чье лицо теперь наложилось на нынешнее. Это был один и тот же человек!

Ромюэль придавил шею Сы Сяонаня, пригвоздив его к кровати, и, глядя сверху вниз на полыхающие ненавистью глаза, спросил:

— Где тот термоконтейнер, который был у тебя с собой после авиакатастрофы?

Сы Сяонань не понимал, о чем он говорит, и лишь крепче сжал губы.

— Где эта вещь?

Снова молчание.

— Я должен был знать... — Ромюэль медленно кивнул и с усмешкой выдохнул:

— Твоя «нежность» тебе не идет.

Едва закончив фразу, он стиснул зубы и решительно нажал на кнопку шокера.

Дверь распахнулась. Ромюэль кивнул своим людям, стоявшим с оружием во дворе:

— Цзянь.

Девушка-Альфа обернулась на зов, но, увидев своего командира, нахмурилась: лицо его выглядело ужасно, рубашка насквозь пропиталась потом, а зрачки подернулись пепельной дымкой — признак того, что он едва сдерживает ярость.

— Полковник, вы...

— Сыворотку правды.

Цзянь была крайне удивлена, но быстро взяла себя в руки и протянула ему шприц.

Ромюэль захлопнул дверь.

Сы Сяонань выглядел так, будто его только что вытащили из ледяной воды: мокрые волосы липли к бледной коже, на руках и шее вздулись синеватые вены, а на плотно сомкнутых веках проступили пугающие синие прожилки.

Но всё без толку. Ромюэль знал: у него уже выработался иммунитет к электрошоку.

Ромюэль выпустил воздух из шприца, схватил его за руку и, сжав зубы, ввел лекарство.

Сыворотку правды он подготовил еще до отлета в Хуа, но, по опыту, этот препарат не давал точных данных и часто вводил в заблуждение. Хуже того, иногда эффект наступал не сразу, а постепенно, в течение целой недели. Короче говоря, это был не самый удобный инструмент допроса.

Если бы не полное отчаяние, он бы не прибегнул к такому методу.

Сы Сяонань в полузабытьи начал метаться, зазвенев наручниками, но Ромюэль крепко его удерживал.

— Где ультимативный антитело? — он сжал вспотевший подбородок Сы Сяонаня, не давая ему болезненно отвернуться. — Тот противоударный термоконтейнер, который был у тебя после авиакатастрофы... где в нем ультимативный антитело?

<http://bllate.org/book/18107/1738938>